

Елена Проклова Принцессой на золоченой карете въехала в карьеру киноактрисы. Карета была самой настоящей. В ней Лена-Герда препровождалась на съемку «Снежной королевы» в окружении свиты. И в первой картине «Звонят, откройте дверь», принесшей ей славу в 11 лет, она тоже играла Герду — в пионерском галстуке, но столь же бескомпромиссную, нетерпимую к житейским оправданиям подлости и лжи.

Потом она снова проснулась знаменитой, но совсем другой — прекрасной Еленой в неувядаемом фильме Хейфеца «Единственная». Зрители называли ее второй раз лучшей актрисой года (в первый — она стала лучшей в 11 лет).

А еще в ее «новой» жизни был театр, МХАТ, в котором за 20 лет она переиграла весь чеховский репертуар: не только Нину Заречную и Варю из «Вишневого сада», но и Наташу в «Трех сестрах». Сама сочинила характерную роль, в спектакль вводилась со скандалом. Требовалось восстанавливать рисунок, сделанный самим Немировичем. Но время пришло другое, актрисе казалось интересным сыграть современный тип хлынувших в Москву провинциалок, берущих жизнь в руки. Наташа держала в ежовых рукавицах всю «бессмысленную» семью Prozоровых.

Потом были и «Тартюф», и «Перламутровая Зинаида». Потом... затяжной прыжок в совершенно иную жизнь

— Ощущение, что еду в карете, забываемо, и затянута оно лет до 25. Потом вылезла я из кареты, увидела, что это нечто вроде «Запорожца». Но в итоге ведь важнее всего именно то, что ты ощущаешь.

— А как ты ощущала ту романтически воспетую в «Звонят...» пионерскую жизнь — с чистой мелодией горна, зовущего в неведомое будущее?

— Я искренне верила во все. До возраста, когда вера эта, казалось, граничит с тупостью. Все уже видят наготу короля, а я все еще со слезами на глазах умиляюсь его одеянию.

В День Победы плакала и плачу до сих пор, хотя выяснены страшные обстоятельства цены победы. Можно было бы от злости и обиды не плакать, а идти на какие-нибудь там ярые демонстрации...

— С первых шагов в кино тебя окружали необыкновенные мастера...

— Да, Быков, Ефремов, Савина, сам Саша Митта — кумир. Хотя на площадке он бывал далеко не тем умным и чувствительным ангелом, способным снять пронзительную светлой печалью картину. А бешено орущим человеком...

Но для меня он все равно был главным. Ради того, чтобы понравиться ему, как объяснил мне дедушка, работают все люди вокруг. Огромная ответственность. Жесточайший режим. И еще — опыт. Я с детства люблю наблюдать. И сейчас живу многими категориями, сложившимися тогда.

— Фильмы Митты, в которых ты снималась: и «Звонят...», и «Гори, гори, моя звезда» были романтически настроены на прошлое...

— Такое было время, такие картины и становились любимыми. А те, что казались такими модернистскими, необычными... На площадке и режиссер, и оператор колдуют, экспериментируют. И все мы такие тонкие. А лет через пять-десять смотришь — пусто.

— Ты выбрала профессию в силу обстоятельств?

— А что я выбирала? С 11 лет работала. «Звезда» была уже пятой картиной. Училась в 9-м классе, рядом — профессиональная элита: Ефремов, Табаков, Леонов, Куравлев... Все разговоры — о сцене. Каждый вечер — в «Современник» на Маяковку. В кратких перерывах между съемками сдавала экстерном за 9-й и 10-й классы, чтобы скорей в институт.

В школе-студии МХАТ преподавали «старички» — Тарасова, Грибов, Яншин. Удалось с ними пообщаться. Мария Осиповна Кнебель вводила меня в один из мхатовских спектак-

ЕЛЕНА ПРОКЛОВА — ПОВЗРОСЛЕВШАЯ

Она — актриса и ландшафтный архитектор. Она говорит: «Сделаю маленькую беседку, окруженную лилиями, — и у этой старой дамы продлится жизнь»

ГЕРДА

лей. Так что, считай, я — «бабушка русского театра».

— Хотелось попасть именно во МХАТ?

— Да меня словно за руку вели, как свечку переставляли. Никуда не рвалась, не показывалась. Пока училась в институте, была занята в пятидесяти спектаклях, вводили в эпизодические роли, потом Митиль в «Синей птице», на четвертом курсе шла работа над «Кремлевскими курантами», вскоре начались репетиции Валентины в пьесе Рошнина. К концу учебы все было решено. Но как...

На гастролях я была занята практически во всех названиях. Но лет пять-шесть писала просьбы взять в труппу. Каждый раз завтруппой пожимала плечами: «Подумай, лучшая актриса года. Мы еще не уверены. Кино — совсем другое дело». Мытарили с придыханием, как же: работать во МХАТе — высочайшая привилегия. Не давали актеру понять, что он нужен, ценен, наоборот, всячески принижали: «МХАТ-то в нас не нуждается, таких навалом», что не прибавляло ни любви к театру, ни уверенности в себе.

Я с любовью относилась ко всем ролям. Почти. Когда не нравилось, приходила к Ефремову, говорила: «Хотелось расстрелять меня. Не могу это играть». Он разводил руками: «Понимаешь, тоже не хочу, а должен ставить». Стояла на своем (так отказалась играть в «Кремлевских курантах», еще в одном спектакле), объясняла, как, переступая порог сцены, тыну себя на аркане, до слез. Испытывала жгучий стыд. За что и получа-

ла. Звания не давали. Откровенно: «Вот сыграете — дадим, нет — увольте». До сих пор сохраняется отчасти гулаговское отношение к актеру. Через двадцать лет работы меня уволили за отказ поехать на Дальний Восток. Спектаклей у меня не было, но в «сетку» вписали что-то шефское. В то время дома у меня произошло несчастье, и я отказалась. За неповиновение была «казнена».

— Очевидно, что ты не сыграла «свои» характерные роли...

— Я вообще недоиграла... Больше было вводов, замен или режиссер тоскливый...

— Но случались и счастливые встречи с режиссерами?

— Обожаю работать с тончайшим мастером Павлом Арсеновым, автором «Короля-олень» (он снимал «Смятение чувств»). Увы, не случилось «романа» с замечательным художником Анатолием Эфросом. У него в «Эшелоне» было пятнадцать главных героинь, и на мою небольшую роль просто не хватало времени и сил. Только я начинала: «Вот мне бы хотелось...» — обливали ушатом холодной воды: «Не надо». Самой незабываемой была встреча с Хейфецем. Вот уж — на всю жизнь. До начала съемок ходили по музеям, слушали музыку. «Когда будешь играть сцену», — говорил он, — вспомни эту картину, мелодию». По молодости я выбрасывала сценарии. В них свободные от текста страницы были испещрены ассоциациями, которые выписывала по совету Хейфеца. В «Чайке» — утренняя сцена в беседе с Тригориным. Вспоминаю девушек Моне у пруда —

блики, состояние лучистости, — и легко выходила на сцену. Хейфец говорил: «Вкус нежности, что ты больше всего любишь?» «Обожаю кожу антоновских яблок, их прикосновение к щеке». — «Вот камертон роли».

— Ты ушла из МХАТа, и какая-то важная линия жизни прервалась?

— Я ушла не из МХАТа. И даже не из профессии. Профессия предполагает паузы, периоды накопления, а не выдавание «на-гора» результатов.

— Но восемь лет перерыва — так долго... Не было ощущения, что все кончилось?

— 20 лет я не ездила на велосипеде. Потом села и поехала. Считаю, что актерская работа — прежде всего труд. Чищу ли я лес, работаю ли в огороде, воспитываю ли ребенка, рисую ли, закручиваю ли банки, работаю артисткой... Все труд. Все тренинг.

Я пришла к выводу, что ремесло можно поддерживать не только трудом на подмостках, но умением встать рано утром и сказать себе: с этого часа до того часа я работаю. Без преодоления и на сцене ничего не выйдет. Когда после огромного перерыва я вышла на съемочную площадку, не было даже шелчка внутри: от «неработы» к работе.

— Значит, драматизма в этом разрыве не было? Знаешь, как актрисы бьются головой об стену, когда молчит телефон...

— Я специально никому не дала номер телефона: на «Мосфильме», в театре...

— И неожиданно известная актриса поступила в архитектурный институт...

— Я уехала из города, началась другая жизнь... на земле. Город был моей естественной средой обитания. Меня окружали стены: театр, павильоны, искусственный свет. Я была лошадию, запряженной в телегу. У нее под сбруей мир замыкается в узкую щель. И тогда вдруг передо мной открылась «панорама». Вот обычная

квартира: кухня, спальня, ванная, гостиная. А моя гостиная — место, где мы сейчас с тобой сидим. Здесь, в лесу. И все вокруг требует затрат, участия. Раньше от меня ничего не зависело. Жила, как заведенный механизм. Многим нравилось, «как эти часики поют». Тут часики сорвались, стрелочки выпрыгнули и полетели. До сих пор удивляюсь распахнувшейся пространству. Вечером засыпаю с ощущением, что прожила прекрасную, бесконечно длинную жизнь. А раньше день был спрессован, как джинн в бутылке. Репетиции, спектакль, съемки — спать. Более в дне ничего не помешалось.

Теперь — открываю глаза: слушаю, вдыхаю. Весна, поют птицы. Осень — ветер гудит, запах прелой листвы. Каждый месяц — палитра света, сумерек, красок. Какие облака сегодня, не промерзла ли земля, какой росток вышел? Я поняла, что хочу общаться с природой профессионально. Тут и подалось объявление о приеме на отделение ландшафтного дизайна в МАРХИ.

Мне всегда нравились восточные учения. Я начала постигать школу согэцу, развивающую традиции японской икебаны, школы суровой ритуальности. Эти школы были направлены на умиротворение, равновесие, гармонизацию духа и плоти. Но нередко прорыв в науке переживает предыдущие завоевания. В природе — то же самое. Однажды надо взять и пересадить растение на

новое место. Согэцу — это икебана, растущая на новом месте. Разрабатываются революционные, еще не установленные каноны, материалы. В Токио композиции устраиваются прямо на больших площадях. Например, из льда: внизу — прозрачные чайные домики, в которых люди играют роли цветов. Фантазия в свободном от правил парении. Сейчас популярна «икебана хорошего настроения». Подходишь к рабочему столу с лицом, перекошенным давкой в транспорте. Тебя встречают яркий цветок, камушек, может, живое существо: червячок, божья коровка. Ты улыбаешься — вот начало дня.

— В стране, искореженной катаклизмами, где люди стараются выжить, насколько созерцательные философские учения смыкаются с жизнью, кипящей вокруг?

— Ландшафтный дизайн — сегодня профессия необходимейшая. При всей благодарности Лужкову считаю: пора в корне менять стратегию развития города. Каменное буйство, излишество срочно укротить зеленью. Город рухнет, если внутри и вокруг не возведут парков. Его разломают люди, выраженные в ненависти среди каменных стен.

Дети мутируют. Глаз нуждается в отдыхе, хочет остановиться на живом, зеленом, его строение не приспособлено для постоянного разглядывания бетонных углов.

Парки должны складываться в продуманную систему. Не только «легкие и бронхи», они должны стать философией города, тянущегося не к каменному веку, а к будущему. Кольцо парков — крепостная стена новой Москвы.

Сочиняю отдельные проекты частным лицам. Виллы им обустроиваю. Редкие люди заражаются моим энтузиазмом. Говорю с каждым членом семьи. Бабушка машет руками: «Что вы, даже не прикаснись к земле». В беседе узнаешь, что белые лилии любила ее мама. Понимаю: сделаю ей маленькую беседку, окруженную лилиями, и у этой дамы продлится жизнь. Она никому не позволит ухаживать за своими лилиями.

— Да это психотерапия, даже психоанализ какой-то...

— Мне тоже казалось, что такая профессия нужна. Вот сорвался заветный проект... Сделать Волгу экологической парковой зоной России. Вдоль всего течения реки разбить парки, отражающие ее историю, этнографические особенности, разнообразие национальностей, населявших ее берега. Такая цветная лента с вплетением ярких лоскутков. Вот красный берег с разнообразными пурпурными соцветиями, напротив — голубой. Затоны с редкими водными растениями. Фонд и питомник. Год мы разрабатывали проект, пока он не рухнул...

— И ты снова делаешь разворот и возвращаешься к лицедейству?

— Знаешь, я и к актерской профессии стала относиться по-другому. Получаю удовольствие не от возможности лицедейства, а от того, что вкладываю в роль. Сейчас в пьесе «Все проходит» мы с Сашей Абдуловым играем трагикомедию, проблемы семейной пары, прожившей 20 лет. И характер героини в пьесе, не лишенной пошлости, я прошиваю собственным опытом. От своих неприятностей, от горя мне есть куда спрятаться. В ландшафтный дизайн, дом, семью, путешествия. А скольким женщинам спрятаться не за что? Я играю вполне адресно — для них. От своих зрительниц получаю уйму писем. Вышло так, что для многих я со своей силой воли, оптимистическим взглядом на мир — хороший костыль.

Лена — человек талантливо азартный. Ее зеленое сукно — лужайка возле дома, та самая, что на опушке «гостиной» — соснового леса. С продуманно высаженными, ее руками ухаживаемыми растениями, в дождь, семерка, туз: картины, выложенные из мха, галерея разноцветных банок с заготовками, собственной работы ажурные покрывала. Свои «сильные» слабости: охота, рыбалка, походы. И своя главная роль — творить мир вокруг в вечном «сейчас», начиная с себя самой...

● Лариса МАЛЮКОВА

● P.S. Чуть не забыла про карету. Она ее вырастит, как и положено, из огромной тыквы. Для своей семилетней дочки Полины. Она обещала...

Проклова Елена

14.11.01